

Джейку, моему Бэзилу

• Пролог •

1993

Мы с братом пробираемся через толпу курортников по Харбор-стрит. Сегодня суббота, и народу в городе полно: кто уплетает мороженое и пирожки, кто выбирает в лавочках сувениры, а кто просто наслаждается дивной летней погодой.

Но мы с Уиллом у магазинчиков не задерживаемся, хоть у меня и текут слюнки при виде белоснежного мороженого с шоколадными хлопьями в руках у какой-то дамы. День выдался жаркий, и я бы с радостью угостилась холодненьким, хоть мы только что и позавтракали. Бабушка говорит, что у меня не желудок, а бездонная бочка. Что поделаешь: аппетит у меня хороший, а здесь, на морском воздухе, еще больше разыгрывается.

Но сегодня не до мороженого. Потому что мы с Уиллом спешим на встречу кое с кем из самых любимых людей на свете.

Уилл на бегу прижимает к себе бумажный пакет, а я тащу охапку цветов: бабушка всучила их мне, когда мы выскакивали из ее цветочного магазина.

— Стэну привет, — говорит она, как обычно. — Не забудете?

— Не забудем! — и мы выбегаем на улицу.

Наконец мы выбираемся из толчеи и гама Харбор-стрит и бежим к гавани. На скамейках полно заго-

рающих, они пытаются спасти от парящих над ними чаек рыбу, чипсы и чудесные пирожки из той булочной, что по соседству с бабушкиным магазином.

Сейчас бы пирожное с заварным кремом!

Наконец курортники с их соблазнительными лакомствами остаются позади, и мы взбираемся по узкой тропе на Пенгартен-Хилл.

— А вот и мои юные друзья!

Это наш старина Стэн сидит на вершине холма и любуется прекрасным видом на город и гавань.

— Да вы, я погляжу, с гостинцами! Что же там такое?

— Пирог, конечно! — счастливо улыбающийся Уилл протягивает ему пакет.

— И цветы от бабушки.

И я отдаю букет.

— С ними в моем домишке становится краше, — говорит Стэн, нюхая цветы. — Так чем сегодня займемся? Историю рассказать? Или напрямиком в замок?

— Историю! — кричу я.

А Уилл говорит:

— В замок.

Стэн улыбается.

— А давайте и то, и другое? Расскажу вам историю по пути к Трекарлану.

Мы с Уиллом идем рядом со Стэном и улыбаемся в предвкушении очередной великолепной сказки о его удивительном доме.

Как это было захватывающе! Друг, который жил в замке! Я чувствовала себя сказочной принцессой.

Знала бы я тогда, весело шествуя вверх по холму, что эти драгоценные летние дни в Сент-Феликсе останутся счастливейшей порой моей жизни.

• Глава 1 •

Нарцисс — новые начала

Этого же не может быть, правда?

Я стою возле бабушкиного старенького цветочного магазина и смотрю на вывеску. «Гирлянда маргариток» — выведено желтыми буквами с завитушками. Но краска облупилась, первое слово читается как «ирл...нд», словно какая-нибудь ирландская лавка.

Я смотрю на вымощенную булыжником улицу: здесь мы носились детьми, бегали в булочную за восхитительными пирожками, в киоск — за бабушкиной любимой газетой. А с выбора новых совка и ведерка в пляжном магазине на углу начинались наши каникулы.

Да, это то самое место. Вот булочная, только теперь она называется «Голубая канарейка», а не «Мистер Бамблз», как прежде. Вон и газетный киоск, там, где улица вьется по склону холма. А в пляжном магазинчике чуть поодаль, наверное, летом по-прежнему можно купить совок и ведерко, но сейчас дождливый апрельский понедельник, время далеко за полдень, и двери там на замке, а внутри нет света.

Не стоит корить хозяев за то, что они закрыли магазин так рано: сейчас не лучшее время для отдыха на побережье. Над городом нависает туман, здесь тускло и сыро, и за то недолгое время, что я здесь нахожусь, мне попало очень мало отдыхающих. Если уж на то пошло, народу вообще мало.

Это природный феномен побережья: в солнечную погоду здесь яблоку негде упасть, но стоит приливу принести с собой тучи, как все исчезают, прячась по отелям, коттеджам и фургонам.

На каникулах у бабушки я иногда молилась, чтобы пошел дождь: тогда можно было бы вволю бродить по пляжам и лазить по утесам без целой толпы курортников вокруг.

Я окидываю взглядом извилистую улицу. За булочной, киоском и пляжными товарами — маленький супермаркет, благотворительный магазин, аптека и, кажется, художественная галерея, но издали не скажешь наверняка. Несколько очажков среди вереницы запустелых зданий с окнами, замазанными белой краской. Куда подевались сувенирные лавочки? В детстве их здесь было видимо-невидимо. Сент-Феликс славился своими изделиями — это вам не какие-нибудь панамки и футболки с грубоватыми надписями. Что случилось с местными художниками, где их работы?

Бабушкин магазин ютится внизу Харбор-стрит, у самого выхода к гавани. С первого взгляда он кажется обветшавшим, но, посмотрев на череду заброшенных домов вокруг, я радуюсь тому, что он вообще держится. Ниже, в гавани, видны несколько рыбацких лодок и полоска бледно-желтого песка: время отлива. Может, и погоду эту промозглую куда-нибудь унесет.

День выдался утомительный: с долгим переездом из квартиры на севере Лондона в Сент-Феликс, маленький корнуолльский городишко. Удобства ради мама взяла для меня напрокат автомобиль, новенький черный «ренджровер». Но никакая роскошная машина не скрасит путешествия туда, куда ехать не хочешь.

Что-то сжимается внутри, когда я печально смотрю на свое взъерошенное отражение в витрине. Понятно, по-

чему парень на заправке так вытаращился, когда я подкатила на внедорожнике: физиономия бледная, длинные черные патлы растрепаны — тридцатник никак не дашь. Подумал, наверное, что мне бы на пассажирском сиденье развезжать, а не на водительском.

Мимо проходит немолодая пара с двумя малышками, судя по одинаковым одежкам — близнецами. Женщина останавливается, чтобы поправить на одной из девочек пальтишко, поднимает капюшон, уберегая ее от пронизывающего ветра, и заодно целует в щеку.

У меня сжимается сердце.

Так и бабушка делала, когда я была маленькой.

Я отворачиваюсь, снова смотрю на магазин, и уже в который раз за этот день меня охватывает чувство вины. Сколько я ныла о возвращении в Сент-Феликс — и все-таки не вернулась вовремя.

Потому что бабушка умерла.

Не преставилась, не перешла в лучший мир, или как там это еще называют, чтобы легче стало принять неизбежное.

Просто умерла и покинула нас, как рано или поздно случается со всеми.

Все плакали. Кроме меня. Я больше не плачу.

Черное носить — это пожалуйста, я такое люблю.

Пойти на похороны, говорить, какая она была замечательная, съесть все, что приготовили на поминки, — с этим тоже проблем не возникло.

Нотариус, приехавший из Корнуолла, собрал всю семью в шикарном лондонском отеле для чтения завещания.

Мы явились: я, мама с папой, тетушка Петал и мои противные кузины Вайолет и Мэриголд. После всей мороки с похоронами чтение завещания поначалу показалось сущим пустяком. В первый момент, когда меня объ-

явили единственной наследницей бабушкиного состояния, на Вайолет и Мэриголд взглянуть было страшно. Но первый шок прошел, мама обняла меня, твердя, что это начало настоящей жизни, и нахлынула паника, вызванная осознанием реальности случившегося.

— Боюсь, мисс, сегодня вы здесь цветов не купите, — произносит голос у меня за спиной, и я, вздрогнув, возвращаюсь к реальности.

Я оборачиваюсь. Молодой полицейский с густыми темными волосами, выбивающимися из-под каски, стоит передо мной, заложив руки за спину. Он кивком указывает на витрину.

— По понедельникам здесь больше никого не бывает.

— А в остальное время?

Ничего себе. Я-то думала, сюда вообще никто не заглядывал с тех пор, как год назад бабушка, уже не обходившаяся без посторонней помощи, легла в лондонскую клинику, оплаченную ее дочерьми.

Он пожимает плечами. Судя по нашивкам, это констебль.

Особо гордиться тут нечем, но в знаках отличия у полицейских я разбираюсь хорошо. Когда столько имеешь с ними дело... Скажем так, это входит в привычку.

— Да, в остальные будние дни кое-кто бывает. Вроде как...

Я жду, когда он продолжит.

— Видите ли, прежняя владелица, увы, умерла. Похоже, славная была женщина.

— Похоже?

— Я-то ее не знал. Я здесь недавно, всего несколько месяцев.

— И кто же присматривает за магазином?

— Местная женская организация. — Он понижает голос. — Те еще мегеры. Отнюдь не те мягкие создания, которым впору цветами заниматься. Я их побаиваюсь.

Я сочувственно киваю.

— Хотя, — продолжает констебль, — не люблю я ни о ком плохое говорить. Дамы этим по доброте душевной занимаются, а по мне, такое чего-то стоит.

— Конечно, — вежливо улыбаюсь я.

— Но по понедельникам здесь закрыто. Так что если вы за цветами, то вам, боюсь, не повезло.

— Ничего страшного, — говорю я в надежде, что он оставит меня в покое. — Как-нибудь в другой раз.

— Надолго в Сент-Феликсе? — Констебль явно не прочь поболтать. Он смотрит на небо. — Здесь бывают деньки и получше.

— Пока не знаю. Надеюсь, ненадолго.

Он выглядит обескураженным.

— В смысле, может, на несколько дней. — Я тоже бросаю взгляд на небо. — Зависит от погоды.

— А, понятно. Хороший план. Отличный. — Он улыбается. — Жаль, что так вышло с магазином. Не в обиду тем леди будет сказано, но, по-моему, у них с цветами не очень получается. Если хотите что-нибудь посовременней, пройдитесть вверх по холму к Джейку. У него найдется все нужное.

— А Джейк — это?..

Надеюсь, я не пожалею о том, что спросила.

— У него свой питомник на Примроуз-Хилл. Поставляют цветы по всей округе. Между нами... — Он наклоняется и снова понижает голос. — Я именно к нему хожу за цветами для главной женщины в моей жизни.

— Для мамы? — Как такого не поддразнить? Слишком уж этот констебль не похож на полисменов, с кото-

рыми я сталкивалась в Лондоне. Хотя эти встречи не назовешь дружескими: как правило, меня арестовывали. Ничего серьезного, мои злодеяния не заходили дальше нарушений общественного порядка и попойек. Ну и самое любимое: я взобралась на льва на Трафальгарской площади. Я была бунтаркой в юные годы, вот и все. Криминала за мной не водилось.

— Да. Именно, — бормочет он, краснея. — Цветы для мамы. Ну, мне пора. Работа, знаете. Город сам за собой не присматривает.

Зря я его дразнила: он славный малый.

Он отдает честь.

— Рад был с вами поговорить, мисс.

— И я. А вы констебль?...

— Вудс, — с гордостью говорит он. — Но все здесь меня зовут Вуди. Я был против, но, кажется, это уже прилипло. Хоть бы начальство не узнало, а то не слишком солидно получается.

Я улыбаюсь.

— А по-моему, вам идет. Спасибо за совет насчет цветов, Ву... констебль Вудс. Думаю, это то, что нужно.

Он кивает.

— Просто выполняю свою работу, мисс.

Он лихо разворачивается на каблуках лакированных черных ботинок и, размахивая руками, вышагивает дальше по булыжной мостовой.

Я снова смотрю на магазин.

— Ну, поглядим, что мне от тебя досталось, бабушка Роза.

И я достаю из кармана ключ. Мама отдала мне его сегодня утром в Хитроу, когда я провожала их с отцом в Штаты.

— Точнее, что ты мне оставила на продажу.

Впервые за пятнадцать лет я осторожно отпираю дверь, горло сдавливают, и я снова переносусь в прошлое, в день похорон.

— С какой стати бабушка Роза оставила мне магазин? — нарушает мой крик тишину отеля. — Терпеть не могу цветы, она же знала! Она что, так сильно меня ненавидела?

— Поппи! — Мама потрясена. — Не говори так о бабушке, ты же знаешь, как она тебя любила! Магазин — это краеугольный камень всей империи «Гирлянда маргариток», и она бы не завещала его тебе, если бы не знала...

Она запинаясь, и я прекрасно вижу, что вертится у нее в голове: бабуля рехнулась, раз передала свой драгоценный магазин в такие руки.

Сколько раз я все это слышала: что в нашей семье всегда были цветоводы, это передавалось от поколения к поколению... В каждой ветви династии Кармайков обязательно хоть кто-то выращивает цветы, продает или работает флористом. Будто пластинку заело. Но этим дело не ограничилось. «Гирлянда маргариток» вышла на международную арену. Мама открыла магазин в Нью-Йорке, кузина затеяла свой бизнес в Амстердаме, а в этом году филиал появится в Париже. Каждый Кармайкл любил цветы — кроме меня. Мне и так перепало от фамильной традиции давать детям растительные имена, и на этом мои отношения с ботаникой завершились. Цветам не место в моей жизни, и менять этого я ни в каком обозримом будущем не собиралась.

— Ну? — подбодрила я.

Пусть моя мамочка выскажется вслух. Я же знала, что была в семье паршивой овцой, о которой говорят вполголоса. То ли бабушка не замечала этого, то ли думала, что цветочный магазин все поправит. Как она могла так ошибиться?